

Ближе к полудню Гун Фэйчжэн и Гун Чэн успели пройти всего две улицы. Гун Чэн была полна энтузиазма, и всё вокруг казалось ей невероятно любопытным. Невозмутимое спокойствие Гун Фэйчжэна, привыкшего смотреть на мир свысока, было окончательно сломлено.

— Ох, Фэйчжэн, а это что такое? — голос Гун Чэн звенел от восторга. Она уставилась на уличный лоток, совершенно не обращая внимания на помрачневшее лицо спутника.

— Фэйчжэн, посмотри сюда... выглядит так аппетитно, давай купим немного, — сто метров спустя Гун Чэн снова застыла на месте. Она мастерски игнорировала недовольную гримасу на лице Гун Фэйчжэна и принялась ластиться к нему.

— Фэйчжэн, ты тоже ешь, не заставляй меня одну уплетать, а то люди подумают, что я тебя объедаю! — Гун Чэн не забыла втянуть его в свою авантюру, чтобы скрыть тот факт, что жевала что-то с самого начала прогулки. Она зачерпнула ложку тофу и настойчиво потянулась к нему. Гун Фэйчжэн в негодовании отвернулся и прибавил шаг, пытаясь уйти от этого маленького стихийного бедствия. Это было выше его сил: он окончательно терял свой благородный и безупречный облик.

— Фэйчжэн, посмотри, это выглядит неплохо, — не унималась она, когда они наткнулись на продавца танхулу.

Гун Фэйчжэн, чье терпение лопнуло, решил, что взять Гун Чэн с собой на прогулку было его самой большой ошибкой, совершенной в порыве слабости:

— Называй меня мужем. Назовешь — куплю.

Гун Чэн обиделась. Говорят, что называть мужчину мужем просто так нельзя — только после свадьбы. Но она посмотрела на леденцы в руках у маленькой девочки...

На верхушке бамбуковой палки был аккуратно закреплен сноп соломы, густо утыканный ярко-красными ягодами в сахаре. Проходивший мимо ребенок купил одну, лизнул — выражение его лица было таким блаженным...

Гун Чэн сглотнула слюну, сердце ее дрогнуло. Но кошелек был пуст: у нее при себе не было ни медной монетки. Зная она заранее, что будет так страдать из-за мелочи, прихватила бы побольше денег еще в Поместье Лю.

Эх, а ведь так хочется... В Поместье Лю было полно всяких изысканных деликатесов, но вот таких простых вещей, как танхулу или сахарная вата, там не водилось.

Гун Фэйчжэн наблюдал за ее мучениями и наконец почувствовал торжество: ну что, маленькая женщина, ты меня мучила, посмотрим, назовешь ли ты меня мужем. А как назовешь — я уж найду способ отыгаться!

— Муж! — другие люди готовы гнуть спину за горсть риса, а Гун Чэн была готова сделать это

за танхулу стоимостью в две монеты. Сдалась она легко, без тени сомнения. Перед лицом танхулу о гордости не могло быть и речи.

Гун Фэйчжэн с недоверием посмотрел на нее:

— Молодец, госпожа Чэн. Снимаю шляпу! — он сдержал слово и купил угощение. Учитывая, как сладко прозвучало слово муж, он взял сразу две палочки: — Вот, держи, награда.

— Муж такой хороший! — Гун Чэн произнесла это так естественно, словно танхулу были главным мерилom супружеских качеств. Впрочем, она была заботливой женой: поедая свою порцию, не забыла и о супруге. Сравнив две палочки, она скрепя сердце взяла ту, что поменьше, а большую протянула ему — ничего не поделаешь, вторая рука была занята цветами.

Гун Фэйчжэн тут же пожалел о своей импульсивности. Сам себя наказал!

Он отвернулся, решительно отказываясь, но в глазах Гун Чэн застыла такая печаль:

— Муж, они выглядят такими вкусными. Я отдала тебе самую большую, это же от чистого сердца, ну съешь же.

С полным ртом говорить было трудно, она даже боялась, что слюни потекут. Гун Чэн поспешно задрала голову, решив во что бы то ни стало не терять лица. Она смотрела на него снизу вверх под углом в сорок пять градусов, и этот вид с леденцом во рту заставил Гун Фэйчжэна невольно рассмеяться.

— Муж... — она заерзала, пытаясь ластиться, хотя в левой руке у нее были цветы, а в правой — танхулу.

Оказалось, быть мужем совсем не просто. Гун Фэйчжэн смиренно принял угощение и вдруг подумал: если бы Цан Биюэ увидела их сейчас, жующих танхулу посреди улицы, что бы у нее отвалилось первым — челюсть или глаза?

Впрочем, даже если бы она его увидела, вряд ли бы узнала. Прошло столько лет, а она всегда видела его только в маске. Тот юноша давно изменился.

Лишь эта девушка рядом... он с самого начала решил показать ей свое истинное лицо. Может, потому, что в момент их первой встречи она коснулась глубин его души, напомнив об учителе...

Раз он не лишил ее жизни, значит, должен дать ей будущее. Это его долг, его способ отплатить за наставничество и заботу. Даже если она — дочь Лю Даочжэна...

— Вкусно? — Гун Чэн наконец расправилась с угощением и погладила живот с довольным видом.

Гун Фэйчжэн ответил спокойно и объективно:

— Невкусно.

Гун Чэн разочарованно надулась. Она пинала камешки под ногами, цветы заслоняли обзор, и она что-то ворчала себе под нос, как вдруг едва не врезалась в человека, шедшего навстречу.

Конечно, если бы Гун Фэйчжэн не обхватил ее за талию и не оттянул в сторону, столкновения было бы не избежать. Гун Чэн была мастером боевых искусств, но зачастую вела себя совсем не как подобает мастеру.

— Куда прешь! Глаза разуй! — мужчина, шедший навстречу, тут же перешел в наступление, всем своим видом демонстрируя спесь и вседозволенность.

Лицо Гун Чэн сперва покраснело, а потом побледнело. Этот человек был совершенно невыносим:

— Как вы разговариваете? Мы же не столкнулись, а даже если бы и столкнулись — что с того? Кусок от вас не отвалится.

Гун Чэн никогда не ссорилась с людьми, и внутри у нее все кипело, но она не знала, как выплеснуть гнев. Ее слова прозвучали не слишком убедительно по сравнению с грубым мужланом, и, чувствуя себя ущемленной, она повернулась к Гун Фэйчжэну.

Тот стоял рядом с усмешкой и кивком головы дал понять: разбирайся сама.

Гун Чэн собралась с духом. Верно, она ученица Бессмертной Секты, мастер высшего уровня, пора бы вести себя соответственно. Учитель говорил, что в нынешнем мире лишь главы великих сект могут сравниться с ней во внутренней силе — чего ей бояться?

К тому же учитель наблюдает. На улице собралась толпа, все смотрели на них, и Гун Чэн решила, что не может ударить в грязь лицом. Позорить себя — ладно, она ведь в маске, но позорить учителя нельзя.

Она воспряла духом, взгляд ее стал жестче. Сверкнув глазами из-за букета цветов, она отрезала:

— Такой большой мужчина, а идешь не глядя, чуть не сбил меня и даже не извинился! Где же твоя совесть?

— Ах ты бабенка, еще и огрызаешься? Жить надоело? Ты хоть знаешь, с кем говоришь? Господин Цзинь — старший сын из Бяоцзюя «Цзиньчэн», кто перед ним не склоняется? — этот «господин Цзинь» косо посмотрел на нее с торжествующей улыбкой. Его приспешники за спиной тут же оживились — видимо, привыкли притеснять слабых.

Как только он закончил, Гун Чэн услышала в голове голос Гун Фэйчжэна:

— Это Цзинь Шуньчэн, молодой хозяин Бяоцзюя «Цзиньчэн». Характер скверный, боевые

навыки средние. Используй его как мишень для тренировки.

Поняв ситуацию, Гун Чэн усмехнулась:

— Какой еще господин Цзинь или пес Цзинь? Не знаю таких. Только твои шавки могут считать тебя кем-то значимым.

Гун Фэйчжэн был удивлен: только что девчонка робела, а сейчас — такая дерзость.

Цзинь Шуньчэн заскрежетал зубами. Хоть он и был груб, но в голове быстро перебрал всех, с кем стоило считаться в Цзяннани. Эту женщину он видел впервые, хотя у нее был меч. Скорее всего, какая-то выскочка, не знающая меры. Он решил схватить ее и проучить.

— Хорошо, раз ты не понимаешь по-хорошему, не вини меня в жестокости. Называй свое имя!

— Цзинь Шуньчэн усмехнулся, его рука легла на эфес сабли.

— Меньше слов. Называть свое имя такому негодяю — только позорить его, — рука Гун Чэн тоже легла на рукоять меча, но в голове снова раздался голос Гун Фэйчжэна:

— Не вынимай меч, используй цветы.

Гун Чэн отпустила рукоять. Цзинь Шуньчэн с лязгом выхватил тяжелую саблю с золотыми кольцами. Встряхнув ее, он бросился вперед, подобно разъяренному тигру.

Хоть человек он был мерзкий, владел оружием неплохо. Сабля со свистом рассекла воздух. Гун Чэн сразу поняла: это ложный выпад, он проверяет ее силы. Она не испугалась, вытянула из букета цветок и встретила атаку.

Раздались крики! Кто-то закрыл глаза.

Шутки в сторону — Цзинь Шуньчэн был известен своей наглостью, и зрители уже мысленно похоронили эту девицу, решив, что она слишком самоуверенна, раз даже не обнажила меч. Сабля семьи Цзинь — это не тофу!

Гун Чэн сражалась второй раз в жизни, поэтому не стала рисковать: цветок был наполнен внутренней энергией. В мгновение ока он столкнулся с саблей. Атака противника была яростной, но его внутренняя сила не шла ни в какое сравнение с ее, к тому же он недооценил ее и использовал лишь малую часть мощи. В момент столкновения Гун Чэн резко отвела большую часть энергии.

От этого резкого движения Цзинь Шуньчэн был ошеломлен, а сама Гун Чэн, не имея опыта, оказалась в неловком положении: цветок не выдержал ее же внутренней силы и разлетелся в щепки.

Толпа взревела: кто-то хвалил, кто-то сокрушался, а кто-то просто кричал, ничего не видя. Только красавец Гун Фэйчжэн неизвестно откуда достал миндаль, купленный для Гун Чэн, и со

скучающим видом жевал его.

Цзинь Шуньчэн понял, что столкнулся с мастером. Он сосредоточился, перехватил саблю обеими руками, в его взгляде читалась жажда убийства:

— Кто ты такая?

Гун Чэн не ответила. Она взяла другой цветок и снова бросилась в атаку. Наполненный энергией нежный стебель стал тверже стали. Цзинь Шуньчэн ощутил порыв ветра и поднял саблю для защиты. Гун Чэн дернула правой рукой, лепестки сорвались и полетели в лицо врагу, словно острые клинки.

Цзинь Шуньчэн отпрянул, пытаясь подсесть ее, но Гун Чэн легко взмыла вверх. Стебель в ее руке с лязгом ударил по лезвию сабли, отклонив ее, и тут же сломался от напряжения.

Цзинь Шуньчэн был поражен. Теперь его целью было не победить таинственную незнакомку, а сорвать маску и посмотреть, кто она такая. Он сделал кувырок назад и нанес восходящий удар.

Гун Чэн разгадала его замысел, увернулась — маска осталась на месте. Она хотела снова ринуться в бой, но услышала голос Гун Фэйчжэна:

— Идут люди, заканчивай.

Повинуясь приказу, она разделила цветы на обе руки и бросилась на Цзинь Шуньчэна. Правой рукой, наполненной энергией, она взметнула лепестки — они посыпались, словно тысячи скрытых игл. Цзинь Шуньчэн заметался, вращая саблю так, что вокруг него образовался непроницаемый щит. Но как только он сделал вдох, перед глазами снова возникло облако цветов. Гун Чэн обрушила на него оставшийся букет. Цзинь Шуньчэн в ужасе подумал: это конец.

Однако цветы оказались просто цветами, без следа внутренней энергии. Он в панике отшвырнул их от лица, но, кроме насмешливых взглядов толпы, никого не увидел: таинственная незнакомка и красавец-спутник исчезли без следа.

<http://bllate.org/book/21781/2252318>